

The book cover features a dark, atmospheric illustration. At the top, three black birds are perched on a thin wire against a deep blue twilight sky. Below them, the title 'СЧАСТЛИВОЕ НЕЧТО' is written in a glowing, yellow, hand-drawn font. The lower half of the cover is dominated by dark, shadowy silhouettes of what appear to be people or large animals, with some highlights suggesting texture or movement. The overall mood is mysterious and contemplative.

СЧАСТЛИВОЕ НЕЧТО

Виталий Гринберг
Иллюстрации Натальи Ростовской

Виталий Гринберг

Счастливое нечто

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21576060

ISBN 9785448328893

Аннотация

Какой можно увидеть жизнь, подняв взгляд со дна? Счастливое нечто – это романтика одиночеств. Главный герой – маргинал и социопат. Он бежит от себя, меняя города и воспоминания. Его галлюцинации по выходным дням добрее, чем по будням. Он один из тех, кто сходил с подъездной лестницы, но незаметно для себя сошел с ума. Он просит билет до Ее города в хлебном и недоумевает, почему в магазине с названием «Счастье» нет того, что сделает его по-настоящему счастливым.

Содержание

Глава 1. Счастье	5
Глава 2. Автобус в рай	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Счастливое нечто

Виталий Гринберг

© Виталий Гринберг, 2016

© Наталья Ростовская, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-2889-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Счастье

Я был одним из тех немногих людей, которые занимались решением несуществующих проблем, таких как: «Чем считать приём пищи в три часа ночи – поздним ужином или ранним завтраком?».

Я сидел в съемной квартире, из мебели в которой были: матрас с рваной дырой по центру, шкаф без дверей

и трёх нижних полок, письменный стол с огромной надписью «хер», старый стул с облезлой полиролью и две стопки бумаги. Одна из них являлась кучей скомканных и исчерканных листов, содержание которых было чуть глупее надписи на столе.

Стулу следует уделить отдельное внимание. Я подобрал его у дома, когда возвращался из магазина с дешёвым вином и яичной лапшой на завтрак. По привычке подошёл к подвалу, чтобы справить нужду, но на месте жёлтых сердечек в снегу стоял ОН с пятью ножками. Я открыл бутылку и заткнул её горлышком нескончаемый поток мыслей в простуженной голове. Так мы и познакомились.

Изучив внешний вид нового друга, я посмел предположить, что люди его выставили во двор из-за пятой ноги. Видимо он не вписывался в интерьер их богатых квартир и кожаных кресел в гостиной. Он выглядел слишком уродливо на их фоне, убого и неестественно. Для меня же, он был особенным – индивидуальным. Вы ведь не часто видите стул с пятью ножками в прокуренных кухнях знакомых. Готов поспорить на этот самый стул, что никогда не встречали подобного. В этом и есть его ценность, не так ли?

Люди часто ошибаются, проводя черту между уродством и особенностью. Это звучит смешно, когда я рассказываю о стуле, на котором провожу вечера за бутылкой и нелепой писаниной, содержание которой чуть глупее надписи на письменном столе. Увы, иногда речь идёт о человеке.

Мой рацион не отличался разнообразием, как у тех людей, в чьих квартирах стояли кожаные кресла вместо стульев. На завтрак лапша, в лучшем случае пельмени из маленького магазинчика под названием «Счастье», что был встроено в дом, напротив моей девятиэтажки. Всё это я запивал стаканом алкоголя с таблеткой успокоительного – день не мог начаться иначе. Я садился писать, когда солнце выползло из-за безжизненной стройки, освещая на три с половиной часа надпись на моём столе, и заканчивал, когда оно скрывалось за соседним зданием. В детстве мне постоянно твердили, что человеку необходим режим, и каждое утро должно начинаться с одно и того же. У меня был режим, я с гордостью мог называть себя человеком.

Любовь к письму у меня обнаружили ещё в дошкольном возрасте, когда я выцарапывал слова на обеденном столе в столовой. Жаль, что тогда я знал всего лишь три буквы. Хотя, что бы выразить все чувства мне хватало одной надписи «хер». Не понимаю, зачем говорить и писать так много, когда есть такое ёмкое слово. Сейчас мне было, что сказать. Поэтому я работал в редакции с названием, которое до сих пор не могу запомнить, и ежедневно, по три часа в день придумывал никому не нужные поздравления с также никому не нужными, стихами.

Я ненавидел свою работу. Бездушные роботы постоянно твердили мне, что в написанном мною нет души.

– Твои стихи никчёмны, их никто не понимает, как и тебя самого. Ты должен писать для людей, даже если это будет просто записка из нескольких слов. **ДЛЯ ЛЮДЕЙ, ПОНИМАЕШЬ?** – Кричал мужчина, столкнувшись со мной в тот редкий день, когда я зашёл в офис за зарплатой и списком имён поздравляемых на этой неделе.

– Я понимаю вас. – Как учили, вежливо ответил я.

– С радостью буду писать записки для самоубийц, но такой работы не существует. Хотя, казалось бы, именно так можно писать для людей, ведь они прирожденные суицидники.

– Глупец! Никто в здравом уме не станет убивать себя!

– Мужчина достал сигарету из пачки с надписью «самоуничтожение».

– Радуйся жизни, придурок. – Сквозь булькающий кашель прохрипел он, натянув на череп улыбку, обнажая жёлтые зубы.

Я поспешил выбежать на улицу. Люди и время без остановки куда-то шли. Их связывала лишь одна цель – уничтожать. Мне казалось несправедливым то, что дождь шёл так редко, по-моему, идти имел право только он. Он один не нарушает гармонии.

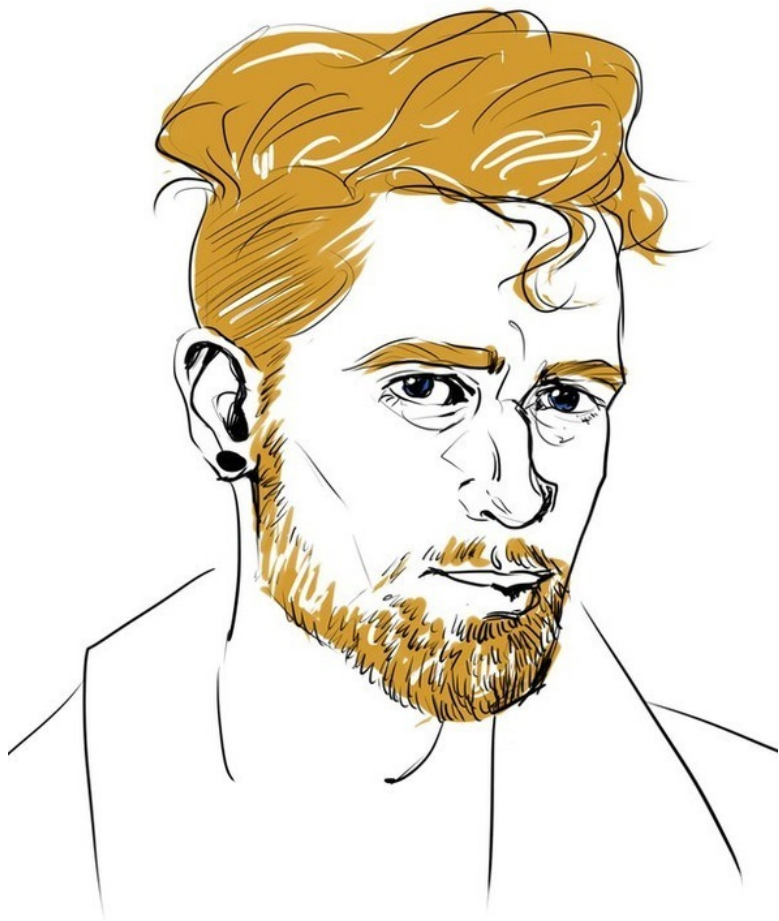
Присев на лавочке в центральном парке, чтобы отдышаться, я задержался больше положенного и провёл там около часа. К тому времени капли дождя перестали накрапывать. Я хотел было уйти и спрятаться от солнца в своей квартире,

как вдруг какой-то сорванец бросил полкуска черствого хлеба в лужу рядом со стаей птиц. Было интересно наблюдать за тем, как голуби вонзались клювом в мякоть и, пытаясь оттащить пищу от сородичей, дёргали головой. Таким образом, получалось, что над черно-серой, перетекающей волнами массой, постоянно подлетал уменьшающийся кусочек хлеба. Голубям доставались лишь крошки, а основная часть оставалась на асфальте в грязи у моих ног. Голуби любили хлеб, а я любил тебя до одури. Так что вместо: «полбулки белого, пожалуйста», я просил билет до твоего города и недоумевал, почему в магазине с названием «Счастье», нет того, что сделает меня счастливым... Глупо.

Трапеза закончилась, когда кусок намок и утонул в луже, а голуби, будто ничего не заметив, разлетелись по своим делам. Надо же, они так быстро потеряли то, за что выклёвывали глаза друг другу пару мгновений назад, и уже забыли об этом. А хлеб «выдыхал» свой последний воздух, оставляя пузырьки на поверхности грязной жидкости.

– Тимофей, дружище, тебя почти не узнать без бутылки, – со смехом произнёс человек в толпе. Его гогот я не мог перепутать ни с чьим другим, смесь повизгивания свиньи и брачной песни тюленей. Несмотря на это, Славик был единственным, с кем я мог перекинуться больше, чем парой слов о погоде. Слава выделялся в толпе не только смехом: непонятная прическа из рыжей копны волос, напоминающих ирокез после бурной пьянки, трёхдневная щетина, туннели в ушах

и кривой от рождения нос. Бабки на лавочках крестились при его виде, а припозднившиеся прохожие обходили стороной в переулках. Не то чтобы он отличался желанием набить кому-то рожу, или ограбить одинокого путника, так, на всякий случай. У людей слишком много предрассудков.

В это время мой приятель, гремя цепями на джинсах, игнорируя лужу, наступил в место скопления пузырьков и бухнулся рядом, слева от меня на лавочку.

– Там был хлеб, Слава. Голуби любили хлеб, а ты на него наступил, – от души рассмеялся я.

– Держи. – Он протянул горсть семян. – Корми своих голубей.

– Мы болтали около часа, прежде чем солнце стало выжигать мои глаза, не привыкшие к дневному свету. Пришлось уйти в кафе неподалёку и продолжить беседу там. Было смешно наблюдать, как люди косятся на нашу странную компанию. Да и я сам засмеялся, увидев наше отражение в зеркале на входе, рядом с молчаливым охранником в так ему не идущем, пиджаке с сиреневым галстуком.

Вечно веселый панк под два метра ростом и исполинской шириной плеч. На его фоне охранник выглядел как провинившийся ребёнок, который съел последнюю конфету, не оставив младшему брату. И мужчина в черном пальто, из-под которого выглядывал край бардовой, цвета артериальной крови, рубашки. Картину дополняла моя недельная небритость поверх шарфа и запах утреннего перегара. Мы сели за столик в самом углу и пытались на спор опустить четыре кубика сахара поставленные друг на друга в принесённый чай, при этом не разрушив конструкции.

– Чёрт. Теперь сам пей эту бурду. Он приторный. – Сла-

вик сплюнул в кружку и громко выкрикнул: – Никто, никогда не спорьте с этим придурком, вы потом ещё неделю не сможете есть сладкое. – Просмеявшись он оглядел пустое кафе, где кроме нас сидел лишь хозяин заведения.

– У каждого должны быть зрители, – пробормотал он и вышел в уборную. Я неплохо знал этого не отличавшегося многословностью парня. Хитрые глаза, что дополняли собой вздёрнутый нос, черного цвета коротко стриженные волосы и вечная улыбка до ушей. Звали его подобающе – Артур, с ударением на первую букву. Иногда мне кажется, что всех владельцев забегаловок, кафе и шашлычных непременно должны звать Артур. Это придаёт им Шарм. Кстати так и называлось заведение.

Поверхность пола была зеркальной, наверное, чтобы люди могли рассмотреть выражение своего лица при падении. Стены обиты желтоватого цвета обоями из пробкового дерева – дорого, но со вкусом. В углу такого же, как и пол, зеркального потолка ползал паук. Я каждый раз давал ему имя, когда приходил. Каждый раз имя было разным. Сегодня он был Тополь. Я мог часами говорить о том, чему я дал имя. А Артур и Слава были готовы часами меня слушать. Замечательно.

Все в детстве смотрели в зеркало, поставленное напротив другого зеркала? Когда находишься в кафе между зеркальным полом и потолком ощущаешь себя в бесконечности.

В бесконечности, окованной пожелтевшими пробковыми

обоями... В бочке. В тот вечер я говорил почти без остановки. Про паука, людей, погоду. Кричал, что жизни ломаются чаще, чем ногти на руках тех, кто ломает жизни. В мой чай, наверное, подмешали безумства, но, увы, моя бесконечность закончилась.

Время зашло за полночь, когда из Шарма вышли два чуть пошатывающихся человека. Ничто не пьянит так, как зелёный чай в компании приятеля, так, как ночной воздух на мёртвой улице города, ничто не пьянит, так, как опьяняет память в простуженной голове. И нет желания сильнее и искреннее, чем опустошить мочевого пузыря за магазином с названием «Счастье».

Распрощавшись со Славой, я решил зайти за продуктами на вечер. Идти было не меньше тридцати минут. За это время холодный осенний ветер выдул из меня все мысли. Теперь я героически прыгал через лужи и не боялся оказаться в них тем местом, которым думают люди. Дойдя до магазина, на автомате дернув ручки двери, я зашел в светлое помещение. Среди всех прохожих, я не встретил ни одного человека. Надеясь, что повезет тут, начал выбирать товар.

– Мне, пожалуйста, билет до... Чёрт. Полбулки белого, брикет лапши, банку самого крепкого и пачку самых тяжёлых – вечер максимализма. Отсчитав сто двадцать три рубля и пятьдесят копеек мелочью, я вышел из магазина, оставив в нём в миг повеселевшею продавщицу. Ей будет, что держать на руке, протягивая сдачу очередному покупателю.

Остановившись у подъезда, я раскрошил хлеб на крыльчке и поспешил зайти в дом. Пусть хоть у кого-то будет то, что они любят, то, в чём заключается смысл их жизни. Шлёп. Первая порция голубинового помёта достигла крыльца – я поднялся на свой этаж.

Дверь квартиры поддалась не сразу, замок заедал уже пару недель. Боюсь, что когда-нибудь вообще не попаду домой, останусь на холодной лестничной клетке грызть сухие брикеты лапши. Хотя, в её сердце я тоже попадал с трудом, пока оно, наконец, не захлопнулось, оставив моё в ещё более холодной клетке – грудной.

Квартира встретила равнодушной тишиной, где казалось каждый атом, играет в молчанку. Пол услужливо превратился во взлётную полосу для падения на матрас, а спасительная темнота позволила окунуться в сон. Сон – это, как вторая жизнь, иная форма шизофрении, бесплатное обезболивающее. Я любил сны, любил другую форму жизни, любил обезболивающее, любил...

В эту ночь мне снился город Л. Наступила бесконечная осень. Я стоял на перекрёстке двух безлюдных улиц и рыдал навзрыд, соревнуясь с дождём. Из-под порванной рубашки виднелась грудь, украшенная глубокими царапинами, налитыми багровой кровью. Я рвал кожу, и складывал на асфальт рядом со стоп-линией. Я устал чувствовать себя живым и хотел выдрать сердце, но через разомкнутые рёбра лился прозрачный, как небо над головами счастливых людей, свет. По-

степенно он набирал яркость, и вот уже вокруг меня толпилось около десятка человек. Они походили на голубей разрывающих кусок хлеба: топтали ногами лоскуты плоти и кожи, пили кровь из ран на груди и кричали про любовь. А я лишь хотел вырвать сердце и вывалить содержимое за стоплинию, чтобы никто, чёрт побери, не добрался до чувств, пока я не дам отмашку на зелёный сигнал. Но людям было плевать, они бежали на красный. Упивались светом и засовывали сердце обратно, приковывая цепями. Кто-то кричал: «Живи», кто-то орал матом, а кто-то плакал и целовал мои руки, причитая. Так, казалось, текла бесконечность, пока я не почувствовал привкус пластика во рту и боль в локтевых сгибах.

Глаза отказывались верить увиденному, мозг отказывался воспринимать. Яркая лампа над кушеткой, капельницы по обеим сторонам, люди в белых халатах и масках поверх лиц. Вообще, всё было мутным и чёрно-белым, как телевизор из моего детства. Как пьяный рассвет, что смеётся в лицо мне.

– Жив! – Из уст доктора это прозвучало, как констатация смерти... Картинка дрогнула, и перед глазами возник потолок моей комнаты.

Я проснулся в холодном поту. Матрас был окончательно разорван, весь в пятнах крови и хлорированной воды. Видимо во сне я разбил стакан у изголовья постели и разрезал его осколком запястье. Терпеть не могу, когда мне снится про-

шное, оно пробуждает память, а память пьянит и похмелье от неё хуже, чем от алкоголя. Закурив сигарету, я устался в окно. В пять утра город, как и следовало ожидать, был пуст. Дом для бездомных собак – выразался по такому случаю Славик.

Руку неприятно саднило. Плеснув на неё из горлышка (для дезинфекции), я засунул ноги в кроссовки, мысленно поблагодарив себя за то, что перед сном не раздевался. Вышел во двор. Солнце только начинало кидать свои первые лучи на верхние этажи высоток, будто пытаюсь зацепиться за антенны и вытянуть себя в утреннее небо. Тем временем, жизнь уже лениво разгоняла механизм движения. Заспанные существа торопились в метро, наспех надевая маски людей. Тем, кто побогаче, доставались красивые, с улыбкой и пронзительным взглядом в будущее. Тем, кто не очень – поношенные, с запахом перегара и взглядом в прошлое. Сотни людей прошли мимо к тому моменту, как я заметил, что исчезли два часа моей жизни и тринадцать сигарет из пачки.

Перепрыгнув через лужу, я направился в аллею напротив местного дворца культуры. Навстречу прошла мать с ребёнком, старик с собакой на поводке и около десятка жителей города Л. В их лица было вдавнено равнодушие. Лишь у мальчишки, который держал за рукав пальто свою маму и воздушный шарик, раскрашенный под вид Земли с широкими речками, бездонными озёрами, и бескрайними полями, в глазах читался ужас. Он только начинал жить, а его уже

ведут в садик. Скоро, он и не успеет обернуться, как превратится в того парня, который в течение пяти минут пытается купить косяк за неполную стоимость. Все делали так. Ничего страшного.

– Друг, это последнее. Остальное отдам завтра.

Пройдёт ещё несколько лет, и мальчуган на этом самом углу купит первый букет для своей первой девушки, а после увидит, как эстетично лепестки роз выглядывают из мусорки. Ничего страшного. Только истечёт ещё одно мгновение, и он превратится в опаздывающего на работу робота, бегущего на автобусную остановку. Ничего страшного, ведь робот подождёт, когда пролетит несколько «Завтра» и он будет выгуливать собаку на поводке, мечтая о мягком диване. Что же вы делаете с теми, кто только начинает жить?

– Ничего страшного. – Откашлялся старик, обращаясь к собаке, которая опорожнилась посреди дороги.

– Бац! – Шарик лопнул! Чей-то мир осыпался разноцветной резиной на асфальте. Ничего страшного. Каждый день умирают тысячи миров, а дети взрослеют с каждой смертью. Они больше не держат в руках разноцветных шаров, не идут с мамой за руку рано утром. Они покупают косяк за углом, выбрасывают цветы, опаздывают, выгуливают собак и гниют. Их даже называют по-другому, с гордостью: Люди. А вот это уже страшно!

Не доходя до аллеи, я свернул по намеченной тропинке к своему дому, и, не рассчитав, наступил по щиколотку в хо-

лодную лужу. Теперь уж точно моя прогулка закончена. Поболтав в пачке шесть оставшихся сигарет, я достал крайнюю и, закурив, продолжил дорогу. «Счастье» – знакомо мигнула вывеска за поворотом. Счастье.

Глава 2. Автобус в рай

Двадцать пять. Четверть века или половина жизни?

– Хочешь сыграть в русскую рулетку?

– Что?

– Ты, правда, не думаешь, что это может быть опаснее, чем револьвер с одной пулей? Соотношение процентов не в твою пользу. Даже с пистолетом у виска шанс выжить составляет восемьдесят, а тут и того меньше – половина! Ты вообще думаешь? Нужно быть полным придурком, чтобы на безлюдной трассе в три часа ночи остановить первую попавшуюся машину.

– Нужно быть полным придурком – аналитиком, чтобы остановиться на безлюдной трассе рядом с незнакомцем ночью и беседовать с ним про шансы выжить. Поверь, ты рискуешь большим. Да и будь у меня пистолет, я без сомнения бы выжал курок. И не один, а шесть раз, если оно того потребует.

Меня кстати зовут Тимофей. Можно просто Тим. Я не грабитель и не бомж, я писатель. Подвезешь?

– Писатель? По-моему, просто алкоголик!

– А разве есть разница?

– Хм. Куда тебе? Я докину, если по пути, но учти, воровать у меня нечего.

– Плевать. Ты всё равно не знаешь дорогу туда, куда нужно мне. Никто не знает. Нам по пути в любом случае.

– Водитель протянул мне полиэтиленовый сверток.

– Постели это на сидение, и залезай побыстрее – в салон захлёстывает дождь. Меня ты можешь называть Пётр.

– Апостол? Может, ты всё-таки знаешь дорогу туда, куда нужно мне?

Дверь со скрипом захлопнулась. Я уже сам пожалел, что сел в забрызганную грязью газель с неразличимыми номерами, но к тому времени вино подошло к концу, а сигареты, которые заботливо были убраны в пакет из-под хлеба, каким-то образом намокли. Я замёрз и ужасно хотел спать, так что у меня просто не было другого выхода.

В салоне сильно воняло тухлым мясом и уксусом. Печка струёй мёртвого обожженного воздуха била в лицо, а от болтающихся мягких игральных костей на зеркале заднего вида, укачивало и становилось дурно. Не смотря на это, моё настроение, как ртутный столбик градусника подмышкой у больного подростка, ползло вверх.

Водитель добродушно позволил мне взять уже пятую самокрутку и банку пива из бардачка. Взамен я слушал. Точнее, делал вид, что мне интересно. Самое главное – он говорил, а не спрашивал.

– Я перевожу мясо: говядина, свинина. Бизнес мне перешёл от отца. Не сказать, что прибыльное дело, но иногда можно увидеть много необычного. Я ведь изъездил больше,

чем полстраны. Был в таких городах, в которые все только мечтают попасть, и в таких, которых нет ни на одной карте. Через сотню километров будет один: тысяч сорок населения. Там есть хороший бар, по субботам в нём читают стихи. Бездарно читают, скажу я тебе, но пиво у них хорошее. Мы сделаем остановку, пропустим пару кружек, а через пару дней...

– Мне было плевать, что будет через пару дней. Мне нужно прожить два часа и попасть в бар, а дальше обязательно что-то произойдёт. В моей жизни всегда самое лучшее происходит спонтанно, и предсказать это не возможно.

За стеклом шёл разъярённый дождь. Он будто отрастил себе зубы от злости, и каплями как плетью хлестал по кузову автомобиля, стёклам, асфальту, дороге и мусору, выброшенному в окно.

В голове роились непонятные мысли, образы, картинки. Сделав глоток пива, я будто опустил оловянную ложку в банку со сметаной и круговыми движениями стал на шаг ближе, чтобы превратить её в масло. Мои мысли стали чуть твёрже. По крайней мере, я стал чётко осознавать, чего хочу.

– Тормозни за поворотом!

– Ага? Пиво просится на свободу? – Засмеялся Пётр.

– Промолчав, я вытащил своё тело из машины. Дождь, будто любящая девушка после долгой разлуки, напал на меня, пытаюсь впитаться в кожу. Я стоял на обочине, а чувство

было, что я делаю что-то ужасное. Проживаю не ту жизнь, не того человека. Сейчас кто-то другой должен стоять пьяный на краю дороги под ливнем, в четыре утра по местному. Кто-то другой сейчас на моём месте проживает мою жизнь. Мы оба делаем что-то ужасное. Хотя, я не делаю ничего... это кто-то другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.